

СИНТЕЗ ПОИСКА

Г. БОЯДЖИЕВ,
профессор,
доктор искусствоведения

неизданное обязательно таит в себе опасность измены главным принципам социалистического реализма. Смелая и точная мысль дисциплинирует и тех, кто в полемическом задоре с привычными формами действует порой безоглядно, не умея дорожить замечательными достижениями нашего искусства и, хотя этого или нет, попадает в плен чуждого нам новаторства буржуазно-анархического толка. Идея новаторства в условиях нашего искусства неотделима от самого акта художественного творчества. Это основной закон поэтического воссоздания мира. Мы должны разрушить царящее еще в мозгах иных художников представление о новаторстве, как об относительно узкой сфере художественной практики, отмеченной чертами остро выраженной оригинальности.

Новаторство — это обязательная норма высоких достижений нашего искусства, ибо там, где творчество не содержит в себе новых познавательных миров, новых открытий в духовных сферах человека, там, где оно не ищет для этого нового содержания необходимых себе форм, по существу, оно перестает быть творчеством, а становится ремеслом. Искусство, которое не творится, а повторяется, лишается важнейших своих функций — силы идейного и эмоционального воздействия.

Ни одно великое искусство не рождалось без ярких новаторских устремлений; великие творцы прошлого, символизирующие ныне незыблемость и святость классических традиций, в свои эпохи выступали как дерзкие новаторы. Всякое искусство, раньше чем стать выражением великой традиции, было выражением смелого новаторства. Мало того, не будь это искусство в свое время выражением смелого, решительного новаторства, оно не поднялось бы до норм высокого творчества и не образовало бы в исторической перспективе определенную художественную культуру, традицию.

Если сформировавшееся в великие традиции искусство должно было в свое время быть новаторским, то самое новаторство всех классических искусств могло осуществиться только потому, что новая эстетическая практика вырастала на основе прежнего художественного опыта, на основе усвоенных традиций предшествующих великих искусств.

Но, указывая на органическую связанность новаторства и традиций, мы совершили бы непоправимую ошибку, если нарисовали бы этот процесс как мирное сосуществование двух художественных этапов в развитии искусства, в виде регулярной смены одной стадии другой. На самом деле процесс развития искусства, смена стилей, переходы из одной стадии в другую были полны противоречий и борьбы. Искусство Возрождения утверждало себя в яростной борьбе с традициями средневекового религиозного творчества. Классицизм опрокидывал эстетику Ренессанса, романтики водружали свое знамя на развалинах классицистских цитаделей. Закон стиливых образований был таков, что новый стиль утверждался, вступая в борьбу со своим прямым предшественником и опираясь на достижения более отдаленной эпохи. Но в каком-то общем итоге художественного развития человечества ничто значительное из достижений искусств всех периодов не оказывалось упущенным.

Но если мы указываем на антагонистический характер в развитии искусства прошлых веков, то этим устанавливается не имманентное свойство эстетических смен стилей, а отражение в этом процессе социальных конфликтов и борьбы.

Этот антагонистический момент естественно отсутствует в процессе движения нашего искусства, ибо на всех этапах его развития сохраняется сама основа нашего искусства — принципы партийности и народности искусства социалистического реализма.

ВОПРОС СТОИТ не о смене современными новаторскими принципами принципов традиционных и устаревших, а о закономерном развитии нашего искусства, изменяющегося в той мере, в какой меняется само наше общество при своем вступлении в фазу развернутого строительства коммунизма.

Дорожим ли мы традициями в искусстве? Бесспорно. Это сохранило в новом мире великое классическое наследие. Это позволило накопить за 45 лет замечательный опыт советского искусства. Но, высоко ценя традиции, нужно уметь и отрываться от достигнутого, чтобы не попасть к нему в плен. Традиционное может существовать в современном искусстве в силу того, что продолжают действовать художники старшего поколения, в силу того, что в многомиллионной массе читателей и зрителей всегда будет та часть, которая окажется эстетически воспитанной на искусстве предшествующего периода. Об эстетических вкусах спорят, но тут никого не приневоливают. В существовании традиционных форм искусства нет ничего противозаконного; противозаконно другое — когда это традиционное искусство объявляет себя монополистом, единственно допустимым и возмозжым типом искусства и накладывает запрет на все не сходное с ним. Тогда происходит омертвление лучших сторон традиции; такое искусство, не желая меняться, тем самым пренебрегает изменениями самой жизни и сводит задачу изображения действительности к подгонке живого, современного содержания к установившимся и часто уже омертвившим традиционным формам.

Возводя приемы собственного творчества в некие извечно данные нормативы, деятели этого направления искренне могут считать, что формы их искусства идеальны и вовеки не меняются. Они, если и обеспокоены состоянием современного творчества, то только в том смысле, что оно оказывается не на высоте великих традиций.

Кто, к примеру, спорит, что образы, созданные Хмелевым и Щукиным, останутся навсегда для нас великолепными образцами революционного, глубоко реалистического искусства. Но речь идет не об этих гениях нашего театра, а о самом принципе движения в прошлое, за непревзойденными образцами или в будущее по трудной, но заманчивой дороге неизданного, но подданного современному содержанием жизни.

Конечно, наследие Щукина и Хмелева никогда не может быть утеряно современным сценическим искусством, но не нужно и забывать, что полное сохранение традиций прошлого — это не только образы Пеклеванова и Егора Булычова, это еще и вереница персонажей, созданных на рубеже 40—50-х годов, по существу, извращающих главнейшие принципы нашего революционного искусства, остановивших его поступательное движение под тем предлогом, что искомый идеал найден и всякое движение вперед

(Окончание на 3-й стр.).

ОСНОВА нашей эстетики — тезис новой Программы КПСС: «В искусстве социалистического реализма, основанном на принципах народности и партийности, смелое новаторство в художественном изображении жизни сочетается с использованием всех прогрессивных традиций мировой культуры».

Это положение прямым образом связано с знаменитой ленинской формулой о новом революционном искусстве и задачах критического освоения классического наследия. В новых исторических условиях этот эстетический закон был провозглашен с трибуны XXII съезда и стал знаменем нашего нынешнего творчества, главным источником современной мысли об искусстве. Смелое новаторство только там, где оно неразрывно связано с принципами партийности и народности, подлинное новаторство только там, где критически использованы прогрессивные традиции прошлого.

Наше искусство сейчас переживает один из самых значительных и плодотворных периодов своего развития. Если говорить о театральном искусстве, то таким этапным фактом является «Оптимистическая трагедия», поставленная в Ленинградском драматическом театре имени Пушкина Г. Товстоноговым. Этот спектакль я видел в Москве в тот вечер, когда его показывали делегатам XX съезда. Получалось так: театральное искусство, как бы вырвавшееся из стеснительных норм уходящей эпохи культа личности, рапортовало съезду всей силой своего поэтического, образного языка.

Организирующее воздействие коммунистической идейности в этом превосходном спектакле было выражено не только как страстно высказанные убеждения, — партийность тут предстает как сила, вдохновляющая на борьбу, цементирующая героев в единый человеческий массив, придающая спектаклю удивительную цельность, монументальность и подлинно героическое звучание.

Крупный новаторский сдвиг, происшедший в искусстве, в основе своей имел великий перелом, совершившийся в самой жизни: необычайно возросла активность масс и личности человека, высвобождались новые пласты творческих сил. Если можно было бы переносить наш искусствоведческий термин в сферу общественной жизни, то самое время, переживаемое нами, должно было быть названо новаторским временем. В этой животворной атмосфере дух творческих исканий на наших глазах проявляется во всех видах и жанрах искусства.

Переживаемое нами время полно прекрасных и новых достижений искусства — в области архитектуры этим символом победы нового над старым является величественное здание Кремлевского Дворца съездов, в области музыки — последние симфонии Шостаковича, концерты Хачатуряна, оратория Свиридова, заметные достижения исполнительского искусства. Значительные сдвиги переживают графика и живопись. Новыми интересными достижениями отмечено искусство валяния. Вырвалась из догматического плена теоретическая мысль об искусстве.

НО НЕВЕРНО было бы картину поступательного движения нашего искусства изображать в виде маршеобразного похода; движение нового идет в непрестанной борьбе со старым; расставание с привычными догматами и отжившими формами — вещь не такая уж простая. Сказывается консерватизм вкусов самих художников и определенной части зрителей. Не обходится без ошибок и искание новых форм, когда в полемике с устаревшими взглядами и вкусами выдвигаются принципы творчества, которые не содержат в себе значительного современного содержания.

Эпоха перестройки искусства, как правило, не обходится без острой борьбы художественных концепций и без некоторой путаницы в эстетических взглядах. В эти переломные моменты творческого совершенствования стали необходимы плодотворные дискуссии. Именно сейчас художники чрезвычайно нуждаются в четко выраженном эстетическом идеале. Мысль, выясненная до конца, выраженная во всей своей полноте и силе, должна стать верным компасом на путях сложных и трудных исканий нового в искусстве. Смелая мысль отучит от робости тех, кто боится сойти с привычного пути, полагая, что